Волга или Калининград?

Территориальные варианты реабилитации:
стереотипы и аргументы

*(Выступление на Всесоюзной конференции
по межнациональным отношениям в Институте
марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, декабрь 1989 г.)*

Принятая полгода назад программа нашего общества «Возрождение», другие документы общества определяют в качестве конечной цели нашего движения возрождение и сохранение советских немцев как одного из советских народов, возрождение и развитие их национальной культуры и языка. При каких условиях это возможно?

Наверное, не требует особой аргументации вывод о том, что наш вопрос может быть решен только в ходе успешного развития перестройки - это первое условие. Вторым неперенным условием для возрождения советского немецкого народа является восстановление его государственности. Она нужна нам, чтобы мы могли опять собраться вместе, иметь экономическую, политическую базу для того, чтобы возродиться и не исчезнуть как народ. Третье условие - восстановление нашей государственности должно быть скорым, ибо положение критическое, народ уже давно устал ждать и надеяться, и отсюда всё растущие выездные настроения, которые грозят приобрести необратимый характер.

Но может возникнуть вопрос: а почему мы вообще добиваемся восстановления нашей государственности? Не лучше ли всем выехать в ФРГ или ГДР и т.о. сразу и навсегда решить проблему и с национальной культурой, и с родным языком, и с тем, чтобы остаться немцами?

На мой взгляд, выезд может в определенной степени решить проблемы каждого в отдельности, но он не решает нашей проблемы как народа. Ибо советские немцы в своем большинстве не просто хотят остаться немцами, они хотят иметь будущее именно как один из советских народов, каким они стали за 225 лет в России и Советском Союзе - со своей историей, своим опытом, своей культурой, языком и традициями. И они имеют свою родину - страну, в которой родились они, их дети и многие поколения их предков. Выезд позволит каждому из них и их детям остаться немцами, но как народ они растворятся и исчезнут.

Но могут ли советские немцы сохраниться как народ на своей Советской Родине? Если им не будут, наконец, созданы необходимые условия для этого, их ждет та же участь, что и при выезде - полная ассимиляция и исчезновение. Поэтому одним из главных необходимых нам условий мы и считаем восстановление нашей государственности.

Как обстоят дела с решением этого главного для нас вопроса, в общем, известно: руководство страны за его решение, Комиссия Верховного Совета по проблемам советских немцев работает и тоже за его решение, а на Волге делается всё, чтобы не допустить восстановления там нашей автономной республики.

Может ли быть достигнут перелом на Волге?

Если подробно проанализировать интересы разных социальных групп среди населения Поволжья, играющие роль в формировании отношения к нашей проблеме, то такой перелом представляется возможным. Главное здесь для нас не позиция руководства областей и районов - она сегодня играет, как можно сделать вывод, главную

роль лишь в создании атмосферы протеста, ибо это руководство лично действительно мало что выигрывает от восстановления там немецкой республики. Главное для нас - интересы самого населения, проживающего сегодня в Поволжье. И можно сказать, что эти интересы при восстановлении республики ущемлены не будут. Наоборот, эти интересы делают восстановление немецкой республики для местного населения желательным, особенно для населения районов, которые опять войдут в республику.

Что же касается интересов руководителей, выступающих против восстановления автономии, то это в основном чисто личные или групповые интересы, и они противоречат не только интересам двух миллионов советских немцев и интересам всего государства, но и интересам этих регионов и населения, проживающего там. Поэтому на поставленный выше вопрос: возможен ли перелом в настроениях, возбужденных сегодня на Волге, можно вполне спокойно ответить: возможен. Достичь этого можно очень быстро. Для этого нужно:

1. Принять необходимые меры к тем руководителям, которые пытаются путем дезинформации людей и разжигания межнациональной розни обеспечить удовлетворение своих личных интересов и дальше. Нужно, как минимум, лишить их возможности формировать необоснованное противодействие восстановлению немецкой автономии.

2. Провести работу с населением, разъяснив ему, что конкретно может ожидать его в будущей автономной республике, дать ему необходимые гарантии неущемления его интересов, чтобы снять у людей все опасения и помочь им понять, что восстановление немецкой республики скажется положительно на их жизни.

Полагаю, времени на это потребуется немного, и восстановление немецкой АССР на Волге может быть провозглашено через несколько месяцев. Тогда перед нами встанет много новых вопросов. И главный из них будет вопрос, не менее важный для нас, для нашего будущего, чем само провозглашение восстановления нашей республики. Вопрос такой: а сколько советских немцев поедет на Волгу?

Еще год назад, еще несколько месяцев назад мы уверенно полагали, что если наша автономная республика на Волге будет восстановлена, туда может переехать как минимум четверть советских немцев, т.е. полмиллиона, а вероятнее всего туда переедет со временем большинство; всё будет зависеть лишь от темпов строительства жилья и условий, которые там будут созданы. На чем основывались эти предположения?

Мы исходили из того, что советские немцы хотят восстановления своей государственности уже давно. Мы учитывали, что за последние полвека советские немцы из прежде разрозненных групп: украинских, волжских, крымских, кавказских, сибирских немцев - сложились как достаточно единый народ с общей историей, общим горьким прошлым, общими сегодняшними проблемами и общими интересами. Мы полагали, что советские немцы, полвека проживая рассеянно по всей стране, проявят сильное стремление собраться, наконец, вместе, ибо только вместе им можно возродить свою культуру, свой язык, сохраниться как народ.

Думаю, что эти выводы остаются в основном верными и сегодня.

Почему мы выдвигали требование восстановления нашей государственности именно на Волге?

Мы исходили из того, что она у нас там была; что исторически это наша территория; что декрет о создании автономии на Волге был подписан самим Лениным; что не может быть восстановления полной справедливости для советских немцев, их полной реабилитации без восстановления того, что у них несправедливо отняли.

Мы понимали также, что у нас есть законное право требовать только одно: возвращения нам того, что у нас было; и что мы не имеем никакого права требовать другую территорию. Мы также полагали, что если нам допустить другие варианты решения вопроса, то это может затянуть его решение, т.к. может потребовать дополнительного времени на их изучение; допущение других вариантов может внести раскол и в наше движение, и нам могут сказать: если у вас самих нет единого мнения, то нечего вообще ставить этот вопрос.

Мы считали, что соотношение немцев, связанных происхождением с Волгой, и немцев других регионов составляет примерно 40:60, и что не только подавляющее большинство немцев Поволжья, но и многие из других советских немцев поедут на Волгу, потому что это будет республика для всех советских немцев.

И, наконец, мы исходили из того, что, начиная с 1965 года, все делегации советских немцев ставили вопрос о восстановлении немецкой автономии только на Волге, что также можно считать выражением практически единодушного мнения советских немцев.

Остаются ли эти аргументы в силе и сегодня? В подавляющем большинстве своем да.

Как видим, под требованием Волги у нас всегда была и остается сегодня солидная база, и она практически неопровержима извне.

Но возникали ли вообще другие варианты? Давайте проследим историю этого вопроса.

В январе 1965 года в Москву прибыла 1-я делегация советских немцев. Часть этой делегации ставила вопрос о восстановлении государственности советских немцев в принципе: главное – государственность должна быть восстановлена, место - вопрос вторичный. Наиболее подходящими районами назывались тогда Целинный край, Голодная степь, Алтайский край. Обсудив всё, решили ставить вопрос только о Волге.

Летом 1965 года в Москве собралась 2-я делегация. Среди ее участников также не было единого мнения по вопросу о территории будущей автономии. Однако при формировании делегации на местах наибольшую активность проявляли немцы Поволжья, и в состав делегации также были избраны в основном немцы Поволжья, поэтому их оказалось большинство. В то время, спустя всего лишь двадцать лет после войны, Поволжье было еще иным, и в сердцах немцев Поволжья оно тоже еще было иным, чем сегодня, поэтому с самого начала они проявили нетерпимость к другим мнениям. Чтобы обезопасить свой вариант, они большинством голосов постановили требовать только Волгу, а в делегацию допускать только тех, кто даст письменное обязательство выступать только за Волгу. Когда на приеме у группы руководителей отделов ЦК КПСС нас спросили: а почему только Волга? может быть, посмотреть другой вариант? - одни дружно выступили против, другие, бледнея от упускаемого исторического шанса, промолчали, связанные обязательством.

3-я, 4-я, 5-я делегации в прошлом году имели задачу возродить, после 23-летнего вынужденного молчания, движение советских немцев за восстановление государственности. Членами делегации были, как правило, сторонники Волги, и иные варианты практически не возникали. Да и нужна была убедительная аргументация, которую позволял сделать только волжский вариант.

На Учредительной конференции нашего общества в марте с.г. возник вопрос: а как же быть с украинскими, крымскими, кавказскими немцами? Ведь они тоже хотели бы вернуться в свои родные места?

Но мы тогда полагали, что если будем требовать возвращения всех немцев туда, откуда они были высланы, то можем вообще погубить идею восстановления нашей республики. Мы полагали также, что требовать возвращения немцев, например, в Крым означало бы лишить и крымских татар всякой надежды на возвращение их на Родину. Мы полагали, что нам нужно же, наконец, собраться всем вместе. Поэтому мы предложили украинским, кавказским, крымским немцам, т.е. большинству советских немцев, пожертвовать своими надеждами и своей привязанностью к могилам предков ради восстановления республики на Волге.

Надо, однако, сказать, что все эти годы, начиная с 1965-го, с 1-й делегации, постоянно возникала идея, которая представлялась наиболее приемлемой для всех советских немцев. Это - идея восстановления государственности советских немцев в Калининградской области. Особенно были за нее украинские немцы, т.е. представители большинства советских немцев, предки которых вышли из таких же северных районов Германии и Польши. Но и многие из немцев Поволжья считали этот вариант лучше, чем Поволжье. Однако поднимать эту идею официально никто не решался: мы были единодушны в том, что в те времена эта идея была совершенно безнадежной и с такой идеей можно было как минимум сходу получить клеймо реваншиста. Поэтому как нереальную ее и отвергали: она плоха, потому что недостижима и небезопасна.

Перестройка заставляет сегодня по-новому смотреть на многие вещи. Она позволила и открыто выступить с этой идеей, что еще два года, еще год назад было практически невозможно себе представить. Я имею в виду статью К.Видмайера в «Литературной газете».

Мое отношение к предстоящей публикации этой статьи было такое: я считал, что Калининградский вариант при прочих равных условиях был бы значительно перспективнее, но одновременно я был убежден, что выдвигать этот вариант должны не советские немцы. Его должно бы предложить нам правительство, или он должен быть вынесен на обсуждение авторитетным русским человеком, ибо область входит в состав России. Почему я так считал? Потому что опасался, что такое предложение, выдвинутое советскими немцами, настроит многих советских людей мгновенно и против него, и против нас: ведь стереотипы подозрительности еще сильны. И таким образом этот вариант мог бы быть загублен на корню. Насколько мне известно, эти опасения разделялись и подавляющим большинством сторонников этого варианта.

И вот это предложение о воссоздании немецкой автономии в Калининградской области опубликовано. Одновременно была опубликована в «ЛГ» и анкета, где редакция просила читателей высказаться, какой вариант они считают лучшим: Волгу или Калининград? Предварительные итоги анкетирования могут, наверное, поразить любого, кто недавно примкнул к движению советских немцев и полагал, что Волга - единственный вариант для большинства советских немцев. Итоги эти, признаюсь, неожиданны и для меня, считавшего, что Калининград готовы предпочесть примерно 60% советских немцев. Итоги эти таковы: из нескольких тысяч откликов от советских немцев за Калининград высказалось примерно 80%, за Волгу - около 13%.

Еще более не ожиданна, если учесть наши всегдашние опасения, реакция представителей других народов нашей страны: соотношение в пользу Калининградской области примерно такое же. И, наконец, самое неожиданное - позиция сегодняшнего населения Калининградской области, где немцев практически нет: в пользу создания там немецкой республики высказалось также около 90% откликнувшихся.

Прежде чем попытаться сделать выводы из таких данных, поставим вопрос: а насколько чисто проведено это анкетирование и насколько его результаты могут отражать действительную картину?

Сама газета вроде бы поступила вполне честно: она дала высказаться стороннику и Волги, и Калининграда, уделив им обоим достаточно равную газетную площадь. Попытки воздействовать на результаты анкетирования со стороны редакции, насколько мне известно, не предпринимались. Этого нельзя, однако, сказать, о нашем обществе «Возрождение». Сразу после появления публикации в ЛГ председатель нашего общества разослал в местные наши организации телеграммы с требованием направить телеграммы протеста против Калининградского варианта и в поддержку Волги в Комиссию по проблемам советских немцев. Таким образом, была не только предпринята попытка исказить действительное мнение советских немцев по жизненно важному для них вопросу и дезинформировать Комиссию Верховного Совета, которая должна бы выработать свои предложения по решению этого вопроса, но и фактически дискредитировано наше общество «Возрождение». Потому что метод, когда организуются массовые протесты, а потом ссылаются на эти протесты как на поддержку своей позиции всем народом, этот метод мы видим на Волге. В чем же мы тогда лучше тех, кем возмущаемся?..

Но вернемся к итогам анкетирования. Даже если мы будем считать, что не было никаких указующих телеграмм, которые могли увеличить число откликов за Волгу и уменьшить число сторонников Калининграда, мы можем сказать, что Калининградский вариант советские немцы считают практически единственно приемлемым для себя вариантом.

Такие результаты анкетирования вроде бы противоречат всем другим данным. В самом деле, все делегации советских немцев, начиная с 1965 года, говорили только о восстановлении автономии на Волге. Обращения в ЦК КПСС и Правительство были только о восстановлении автономии на Волге. Всесоюзное общество советских немцев «Возрождение» говорит только о Волге. Письма и телеграммы в Комиссию по проблемам советских немцев идут с требованием Волги. И, наконец, на встречах членов Комиссии с немцами речь тоже идет, как правило, только о Волге. А тут - подавляющее большинство - за Калининград, и только 13% - за Волгу.

Но противоречия, на мой взгляд, нет.

Почему делегации требовали только Волгу, как они формировались, и почему советские немцы не выдвигали других вариантов - об этом уже говорилось. Всесоюзное общество «Возрождение» тоже создавалось из состава делегаций и по принципу формирования делегаций, поэтому его позиция не могла быть иной. Местные отделения общества «Возрождение» создавались при условии поддержки ими Устава и Программы Всесоюзного общества, т.е. опять же из тех, кто за Волгу. Вся организационная работа общества и формирование мнения у других советских немцев велись также в поддержку варианта на Волге. К этому можно добавить, что у немцев, выступающих за Волгу, есть своя активно работающая организация; у других советских немцев, составляющих большинство, таких организаций нет, поэтому от них в лучшем случае могут приходиться лишь отдельные выражения их мнений.

Что касается встреч с членами Комиссии на местах, то туда могли приходиться, как правило, лишь те из советских немцев, которые уже непосредственно входят в наше общество «Возрождение» или примыкают к нему, т.е. опять же в основном разделяющие требование Волги. Письма в ЦК КПСС и другие инстанции также являются во многом следствием большей активности поволжских немцев и, естественно, результатом работы нашего общества.

И, наконец, что стоит за телеграммами протеста против Калининградского варианта, приходящими в Комиссию, уже говорилось.

Но главная, на мой взгляд, причина таких результатов анкетирования состоит в том, что всегда, все эти годы перед советскими немцами вопрос ставился так: восстановление автономии - да или нет? Восстановление её на Волге - да или нет? Естественно, что большинство могло ответить на такой вопрос только «да», ибо получить хоть что-нибудь - лучше, чем ничего.

И вот впервые им предложили сделать выбор не между «да» и «нет», а между одним вариантом и другим. Им предложили высказаться не по вопросу: быть или не быть вообще советским немцам, их культуре, их языку; а по вопросу: какой вариант, по их мнению, обеспечивает это лучше? И нет ничего удивительного в том, что они подошли к этому вопросу и с точки зрения интересов всего своего народа, и с точки зрения интересов государства, высказавшись за Калининградский вариант.

Так что противоречия между данными ЛГ и другими данными я не вижу; это не разные результаты, это результаты ответов на разные вопросы. И если советские немцы высказались так единодушно за Калининградский вариант, то нам надо, наверное, рассмотреть подробнее его плюсы и минусы. Возможно, я повторю некоторые моменты статьи в ЛГ, но нам сегодня надо учесть всё.

Итак, какие же плюсы у этого варианта?

Для большинства украинских и крымских, для части поволжских, сибирских, для оренбургских немцев, т.е. для большинства советских немцев из числа меннонитов, предки которых вышли из северных районов Германии и Польши, это регион со схожими климатическими условиями их давней родины. Для всех советских немцев, включая немцев Поволжья, это регион, где почвенно-климатические условия, особенно сейчас, позволили бы получить гораздо больший экономический эффект от приложения там в сельском хозяйстве квалифицированной рабочей силы, чем в скудном, засушливом, измученном неумелой мелиорацией Поволжье. И - для всех немцев, кроме определенной части немцев Поволжья, это место, куда бы они в случае восстановления там немецкой автономии поехали бы, в то время как республика на Волге не является для них альтернативой растущему выезду в Германию.

Таким образом, этот регион мог бы дать возможность собраться там большинству советских немцев, т.е. обеспечить им, наконец, возможность совместного проживания и получить надежды на реальное будущее как народа. В этом регионе советские немцы могли бы быть ближе и к родственной им европейской культуре, а близость немецкоязычных стран, прежде всего ГДР и ФРГ, и возможность более интенсивных контактов с ними позволили бы скорее возродить национальную культуру и язык, что сегодня самое важное.

Для нашей страны, для правительства этот вариант тоже имеет ряд несомненных плюсов. Он позволил бы наиболее полно решить проблему всех советских немцев, а не только немцев Поволжья, и т.о. максимально и практически мгновенно остановить их всё растущий выезд. Он позволил бы успокоить русское население в Поволжье и избежать возможных конфликтов там в будущем. Он позволил бы возродить экономику целой области, которая сегодня не реализует полностью своей потенциал. Он мог бы позволить создать при необходимости высокоэффективную свободную экономическую зону, имеющую большое значение для всей страны. Экономическое сотрудничество немецкой автономной республики с немецкоязычными странами из региона Калининграда могло бы быть не только гораздо активнее, чем из региона Поволжья, но и намного рентабельнее для страны, если учесть хотя бы транспортные и временные издержки.

Этот вариант имеет плюсы и в международном плане. Его осуществление могло бы привести к радикальной демилитаризации области, что могло бы способствовать

соответствующему снижению уровня вооруженности и в других частях Европы и, т.о., дальнейшему укреплению доверия и сотрудничества в ней. Осуществление этой идеи придало бы, несомненно, положительные импульсы отношениям между СССР и обоими германскими государствами. Немецкая автономная республика в Калининградской области могла бы в ближайшие годы стать первой открытой в общеевропейский дом дверью всей нашей страны.

Но у этого варианта есть и свои минусы. Для советских немцев два главных его минуса - это территория, которая в два раза меньше территории бывшей АССР НП, и 800 тысяч человек населения в этой области, что означает, что плотность *ненемецкого* населения в этой области по сравнению с таковым в бывшей республике на Волге в 8 раз выше. Реально ли создание немецкой республики в таких условиях?

Минусы этого варианта могут быть и с точки зрения правительства. Этот вопрос неизбежно будет рассматриваться в контексте проблем прибалтийских республик, и естественно может возникнуть опасение: а не будут ли и немцы, получив там республику, говорить об отделении?

На мой взгляд, мысли об отделении - это одно из проявлений детской болезни начальной стадии демократизации. Очень скоро все мы поймем, что вместе - и лучше, и выгоднее, и надежнее. И проблема не в отдельной от всех жизни каждого народа, каждой республики; проблема в праве каждого народа, каждой республики, как и каждого человека, самостоятельно решать основные вопросы своей жизни. А к этому мы неизбежно придем в ходе перестройки.

Кроме того, развитие процессов во всем мире идет в направлении всё большей взаимосвязи между странами, всё большего экономического и культурного взаимопроникновения, что уже нашло отражение в идее общеевропейского дома. Эта взаимосвязь будет, видимо, развиваться у европейских стран особенно с Советским Союзом, потому что он и неисчерпаемо богат, и огромен как рынок сбыта, и географически удобен как партнер. Какой же резон будет республикам идти против этого всеобщего течения? Наверное, всё же лучше быть в составе этого Союза, чем просто его торговым партнером. Что же касается возможного желания у советских немцев потом отделиться, то ведь те из них, кто хочет быть вне Союза, сейчас свободно могут выехать. Речь идет о тех советских немцах, которые не хотят покидать свою родину, которые хотят остаться на ней.

Могут ли быть против восстановления немецкой автономной республики в этой области ГДР и ФРГ - ведь это была когда-то территория Германии?

Но, во-первых, существующие границы признаны, насколько известно, обоими этими государствами. Во-вторых, во время недавней поездки группы советских немцев в ФРГ там довольно часто в разговорах возникал и этот вариант решения проблемы советских немцев, и практически ни разу ни на каком уровне не было высказываний против такого решения; наоборот, нередко оно воспринималось как решение, которое могло бы вызвать еще большую помощь ФРГ в восстановлении немецкой республики.

И, наконец, даже если и вести речь о территориях, то с устранением границ в ходе создания общеевропейского дома этот вопрос со временем также отпадает.

Однако если этот вариант будет предложен, нужно бы сначала добиться, чтобы все заинтересованные стороны пришли к соглашению, гарантирующему спокойное будущее советских немцев на этой территории.

Но вернемся к результатам анкетирования. После него мы оказались, как видим, перед фактом, что если наша автономная республика будет восстановлена на Волге, то

это будет соответствовать желанию лишь девятой части советских немцев, т.е. примерно 250 тысяч человек. Если из них на Волгу поедет даже половина, то в будущей республике может оказаться всего около 100 с небольшим тысяч человек. Можно, конечно, предположить, что поедет туда и часть тех, кто не сможет поехать в Калининград. Однако при этом можно допустить и то, что эмиграция унесет с собой в этом случае и часть тех, кто сегодня высказывается за Волгу.

Возникает вопрос: могут ли советские немцы в таких условиях, при такой их малой численности в будущей республике, возродить свою культуру, свой язык, смогут ли они сохраниться как народ? Думаю, это исключено. Тем более, что даже эти 100 или 200 тысяч человек - допустим и такое число - будут жить на Волге весьма рассредоточено среди других национальностей. Отсюда напрашивается вывод, что сегодня, после того, как большинство советских немцев разуверилось в восстановлении их государственности и в возможности у них будущего, восстановление автономной республики на Волге явится последним и непоправимым шагом на пути к исчезновению советских немцев как народа.

Мне могут возразить: ведь и раньше в республике проживало меньшинство советских немцев, всего 380 тысяч. Пусть будет и теперь меньше, лишь бы была республика; она станет культурным центром для всех советских немцев, как было до войны, и позволит возродить культуру, язык всех немцев.

Однако сегодня условия у советских немцев совсем другие, чем были до войны. Да, раньше в республике проживала лишь четверть советских немцев. Но другие немцы, которые проживали вне республики, проживали тогда компактно в нескольких регионах, где была уже в течение многих поколений своя национальная жизнь и национальная культура, где был живой родной язык и где люди почти не знали русского языка. Это были тоже автономии, и республика была лишь одним из автономных образований советских немцев. Между этими автономиями, между этими культурными массивами были лишь контакты; республика не являлась для них единственным источником и хранителем всего национального; уровень развития национальной культуры, языка в других регионах часто был значительно выше, чем у немцев Поволжья.

Сегодня компактно проживает не более 10% советских немцев, остальные все рассеяны, и практически нигде больше нет очагов, где существовали бы национальная культура и родной язык. И в массе своей немцы утратили свой родной язык. 200 тысяч, даже пусть 300 тысяч немцев, которые приедут в республику, должны сначала сами для себя восстановить свою национальную культуру и язык, на что уйдет лет 15 по самым скромным подсчетам. Только потом они могли бы начать поддерживать ее в других регионах, и то лишь в случае, если бы немцы проживали там компактно. Но как поддержать, а тем более восстановить язык у тех, кто живет разбросанно по всей стране? И что за эти 15 лет в таких условиях вообще будет с немцами?

Мне видится необходимым условием для возрождения советских немцев как народа после провозглашения республики одно: чтобы большинство из них перебралось в эту республику. Только тогда можно будет рассчитывать на восстановление культуры и языка у большинства советских немцев. Такое количество немцев не поедет на Волгу. Такое количество немцев может поехать, однако, в Калининград. Вот почему Калининград представляется мне сегодня последним шансом для советских немцев.

В связи с этим нам остается рассмотреть еще один очень актуальный для нас вопрос: какую позицию должно сегодня занимать наше общество «Возрождение»? Может ли оно и дальше выступать только за Волгу, всё больше изолируя себя от подавляющего большинства советских немцев, или оно попытается из общества сторонников Волги, каким оно сложилось не по своей вине, стать обществом, представляющим и отстаивающим интересы действительно всех советских немцев? Ведь

пора искренних заблуждений у нас закончилась: мы не можем больше делать вид, что позиция большинства советских немцев никому не известна, что мы убеждены в том, что большинство советских немцев - за Волгу, и т.д.

Вспомним еще раз все наши аргументы за Волгу. Сегодня больше, чем когда-либо, можно сказать, что они, как правило, носят тактический характер: они нужны для доказательства обоснованности наших требований. Но с точки зрения интересов всех советских немцев, с точки зрения их будущего - стратегическим, т.е. обеспечивающим это будущее для нашего народа, не является ни один из этих аргументов.

Да, если бы все советские немцы были из республики немцев Поволжья, и если бы они опять все хотели туда, то ее действительно надо бы восстановить там, где она была. Но если большинство не оттуда, и если подавляющее большинство не хочет туда, то аргумент: «восстановить там, где была» - дальше использоваться уже не может.

Да, республика на Волге была символом и государственностью для всех советских немцев. Но это было, когда все остальные немцы имели свою малую государственность и не были лишены своей культуры и языка почти полностью. В сегодняшних условиях, при сегодняшнем положении советских немцев десятая часть утративших почти всё национальное советских немцев не в состоянии будет превратить эту республику в символ и государственность для двух миллионов таких же почти всё утративших остальных советских немцев.

Да, часть советских немцев кровно связана с Волгой; да, там могилы их предков. Но еще больше могил предков советских немцев на Украине, на Кавказе, в Крыму, а сегодня - в Казахстане, в Сибири, в местах трудармейских лагерей. Ведь там мы не хотим автономии? Кроме того, если уж возвращаться к могилам предков, то ведь не для того, чтобы, добавив к ним еще сотню тысяч могил, опять оставить их, теперь уже навсегда, и чтобы через некоторое время уже новые чьи-то поколения играли нашими вырытыми черепами в футбол, как это происходит на Волге сейчас... Могилы предков, наша история - это бесконечно больно и дорого каждому. Но еще дороже и больнее - чтобы у нашего народа было будущее, чтобы на могилах наших предков не кончалась наша история вообще.

Требование Волги - это законное требование, и других требований у нас не может быть. Так мы всегда ставили вопрос, и я согласен, что иначе его ставить нельзя. Но надо ли сегодня требовать то, что уже не подходит, только потому, что это можно получить? Если мне нужен костюм 52 размера, то надо ли мне брать костюм 42 размера только потому, что моего размера мне никто не предлагает?

И - относительно полной реабилитации. Да, если бы все советские немцы были с Волги и все они хотели бы туда вернуться, то полную реабилитацию для них означало бы только восстановление их республики на Волге. Но в сегодняшней ситуации для советских немцев полную реабилитацию означают не Волга, не Украина, не Казахстан, а реальная возможность возродиться и сохраниться им как народу. Зачем нам полная реабилитация, означающая наше исчезновение с лица Земли?

Наконец, у нас были еще аргументы, так сказать, для внутреннего употребления. Это: нам нужно сохранить единство; допущение других вариантов может затянуть решение проблемы; и - допущение других вариантов может вообще исключить решение вопроса. Рассмотрим и эти аргументы.

Если под единством понимать беспрекословное подчинение одному мнению, то это единство будет не на основе разумности. Ибо не может быть разумной организация, придерживающаяся всегда только одного мнения в то время, как ситуация постоянно меняется. Тем более это странно для такой организации, как наше общество, претендующее выступать от имени всех советских немцев, мнения которых сегодня так

различны. Единство на основе недопущения других мнений - это фактически путь к самоизоляции, путь к отъединению от целого, путь к расколу целого. Полагаю, единство у нас должно быть на другой основе: должно быть единство в отстаивании единства и интересов всех советских немцев. И тут разные мнения не только не запретны, они необходимы, ибо без различия во мнениях невозможно найти лучший вариант решения, невозможно увидеть и избежать все опасности.

Для того, чтобы проиллюстрировать абсурдность требования единства на основе недопущения другого мнения, предположим на миг, что теперь собрались бы представители немцев, выступающих за Крым или Украину и, запретив вообще говорить о Волге, стали бы претендовать на то, что они представляют интересы всех советских немцев. Требование единства на основе недопущения других мнений всегда говорит как минимум о слабости, о неспособности честными, открытыми методами отстоять авторитет идеи, о боязни правды, об отсутствии убедительных аргументов. Говорит о том, что интересы, представляемые сторонниками такого единства, - неизбежно групповые интересы, противоречащие интересам большинства. Это всегда ведет к стремлению установить приоритет своей идеи и свой личный авторитет силой, или с помощью интриг, с помощью жесткого подавления свободного обмена мнениями, живого поиска истины, уважения к личности, факту и правде. Цель тут всегда одна: утверждение и поддержание авторитета, который иным, естественным путем утвердиться не может. Для чего это нужно и к чему это ведет, история нам уже не раз показывала. Давайте будем помнить о том, что цель, для достижения которой требуются неправомерные средства, не есть правая цель. И что нетерпимость к другому мнению - это самый верный признак неправоты и отсутствия культуры. Так что в данном случае аргумент о единстве, ради которого нужно фактически жертвовать будущим нашего народа, является демагогическим.

Есть логика в другом аргументе - о том, что допущение других вариантов может затянуть решение проблемы советских немцев. С этим невозможно не согласиться. Но что нам нужно: скорее сделать шаг, ведущий народ в небытие, или всё же обеспечить ему реальное будущее?

И о последнем аргументе: о том, что другие предложения могут позволить вообще отказать нам в решении нашего вопроса. Думаю, это исключено. Проблема советских немцев не может оставаться нерешенной, это противоречило бы духу перестройки, это противоречило бы интересам страны, это помешало бы решению других национальных вопросов в стране.

Есть еще один аргумент, уже выходящий за рамки проблематики советских немцев. Не получится ли так, что невозможность восстановления немецкой АССР на Волге может быть использовано как прецедент для невозможности автономий других народов, допустим, крымских татар в Крыму? На мой взгляд, существует большая разница: хочет ли сам народ, чтобы его государственность была восстановлена там, где она была, или же он сам согласен на другой вариант? Если он сам согласен на другой вариант, то это не должно восприниматься как непредоставление ему правительством того, что положено по закону.

Таким образом, существенных аргументов в пользу предпочтения Волги Калининграду почти не остается. Но нам надо еще учесть аргументы против Волги. А они тоже существуют.

1. Волга - для большинства советских немцев неродная территория.
2. Волга, судя по результатам анкетирования, не признается желаемым вариантом и большинством немцев Поволжья.

3. Мы провозгласили полную автономность русских населенных пунктов в будущей автономной республике; мы заявили, что будем строить для прибывающих туда немцев новые населенные пункты и дома. Но свободными остаются только те земли, которые или полностью выведены из строя, или наименее пригодны для сельского хозяйства. Это заранее обрекает сельское хозяйство будущей республики на огромные трудности.

4. Эти свободные земли лежат преимущественно вдали от Волги, к востоку, что значительно усложняет и общую, и транспортную ситуацию по сравнению с условиями в бывшей АССР немцев Поволжья.

5. Экологическая обстановка в регионах Поволжья весьма сложная, и это касается не только почвы, но и воды, и атмосферы.

6. Климатическая зона в Поволжье весьма суровая.

7. Немцы, если учесть ограниченное число тех, кто готов туда переехать, будут в республике жить не сплошными национальными массивами, как до войны, а вкрапленными в уже существующую сеть сел и городов. Максимум, на что можно рассчитывать при таком числе немцев - это на немецкие села. О крупных городах речи, видимо, быть не может. Можно ли в таких условиях возродить культуру, язык двух миллионов человек, или даже хотя бы тех, кто будет жить в республике?

8. События этого года в Поволжье показали, с какой готовностью проживающее сегодня там население выступает против немцев. Уровень и нетерпимость протестов, выступлений и действий не дают оснований полагать, что антинемецкая кампания не возникнет и в будущем, при малейшем поводе. Что тогда будут делать там 100 тысяч немцев, которые всегда будут там в меньшинстве?

9. И кто будет хозяином в немецкой республике, где немцы будут составлять лишь меньшую часть ее населения?

Если мы признаем все эти доводы действительно обоснованными, то перед нашим обществом «Возрождение» встает вопрос: что делать дальше? Какую позицию занимать?

Я не думаю, что мы должны сейчас посыпать наши головы пеплом и рвать на себе волосы оттого, что наша прежняя позиция не отражает сегодняшней позиции большинства советских немцев. Я думаю, что мы были правы, когда считали, что все мы должны выступать с единым требованием: восстановление Немецкой АССР на Волге. Это требование было аргументированным, оно было исторически обусловленным, и мы были искренне убеждены в том, что это требование отражает интересы подавляющего большинства советских немцев. Полагаю, что в тех условиях выступать иначе было бы просто непорядочно перед нашим народом и несерьезно перед руководством нашей партии и страны.

Не наша вина, что мы не знали того, чего не знал никто: мы не знали, что так затянется решение нашего вопроса; мы не знали, что наши протянутые с предложением искренней дружбы и сотрудничества руки наткнутся в Поволжье на бетонную стену непонимания, шовинизма и открытой враждебности; мы не знали, какое чувство отчаяния еще суждено пережить от этого советским немцам; мы не знали, что советских немцев, хоть один раз за все 48 лет обвинений, несправедливостей, неравноправия и дискриминации, по-человечески спросят, наконец, а что они сами-то считают для себя желательным?

Мы не знали и того, что Калининградский вариант, который так долго многие, очень многие, еще те, кого сегодня уже нет с нами, считали наилучшим для будущего своего народа, но не осмеливались его даже упомянуть, чтобы еще больше не повредить своему народу - что этот вариант можно будет когда-либо открыто обсуждать. Не знали

мы и того, что советские люди могут воспринимать этот вариант, даже если он выдвинут советскими немцами, вполне дискутабельным. И мы не знали, наконец, что и сверху мы не услышим при этом мгновенного окрика, а увидим, в полном соответствии с духом перестройки, внимательную готовность рассмотреть и этот вариант.

Всего этого мы не знали и не могли знать. Поэтому мы не могли действовать иначе, чем действовали, и нам не за что себя казнить.

Но сегодня мы всё это знаем. И если мы и сегодня будем действовать по-прежнему, будто мы этого не знаем, будто мы всё еще живем в глубоко застойные годы, будто у нас то же безмозглое руководство и будто в нашей стране ничего не изменилось за почти пять лет перестройки - если мы и сегодня, повторяю, будем действовать по-прежнему, то мы будем недостойны времени, в которое живем; мы будем недостойны нашей страны, на которую опять с надеждой смотрит сегодня мир; мы будем недостойны доверия нашего многострадального народа, живущего последней надеждой, что мы сделаем всё, чтобы у него было будущее на его Советской Родине. Если мы, услышав, наконец, волю нашего народа, отвернемся от него, то и он вправе презрительно отвернуться от нас, обманувших его надежды, и выбрать себе новых представителей, которые будут в состоянии отличить путь, дающий народу будущее, от пути, ведущего к его исторической смерти.

Встает еще вопрос о том, как же мы, столько времени заверявшие руководство партии и страны в единственно возможном варианте решения проблемы советских немцев, теперь скажем ему, что этот вариант не годится, и нужен другой вариант?

Ответ на этот вопрос очень простой: мы должны сказать спасибо нашему руководству за то, что советские немцы дожили до того времени, когда смогли открыто высказать свое мнение по жизненно важному для них вопросу. А руководство - я имею в виду тех людей, которые в руководстве олицетворяют идеи перестройки - это руководство может сказать спасибо и нам. Спасибо за то, что мы, совершенно в духе перестройки, нашли в себе мужество признать наше прежнее мнение не отражающим интересы народа, и тем самым помогаем этому руководству не допустить ошибки в решении такого важного вопроса, как проблема советских немцев; помогаем ему удержать в стране немалый человеческий капитал; помогаем ему сделать, наконец, наш двухмиллионный народ счастливым на его Родине, а не заставляем его с болью и глубочайшим разочарованием покидать эту Родину.

В заключение хотел бы сказать, что был бы очень рад, если бы кто-нибудь мог разбить все аргументы, приведенные в моем выступлении. Был бы рад, потому что сам я - родился на Волге...

PS через 30 лет: Глядя на мое тогдашнее выступление из дня сегодняшнего, можно, наверное, отметить несколько важных для нас и ныне моментов. А именно.

Территориальный вопрос реабилитации нашего народа был и остается для нас одним из главных. И решаться он должен по-прежнему в интересах всех российских немцев, независимо от места их происхождения и проживания.

Этот вопрос может быть решен только вместе всеми тремя заинтересованными в нем сторонами, с учетом интересов каждой стороны: государства, населения конкретного региона, и самих российских немцев. Иное исключает решение вообще.

Сегодня, через 30 лет, очень многое изменилось и в границах бывшего СССР, и в самой России, и в приемлемости тех или иных ее регионов для восстановления нашей автономии, и в положении самих российских немцев. Но не изменилось главное: вопрос о нашей реабилитации по-прежнему жизненно важен для нашего народа, он по-

прежнему имеет большое экономическое, внутри- и внешнеполитическое значение для России, он может стать мощным двигателем «опережающего развития» для любого ее региона, и он по-прежнему требует от нас самого глубокого и ответственного к нему отношения. Как его решить в новой, постсоветской, России, в новых «рыночных отношениях», мы тоже уже не раз предлагали.

Мы считаем, что для подлинной реабилитации российских немцев, гарантирующей им будущее как народу, необходим ряд условий: компактное проживание (не обязательно всех в одном месте); экономическая база (для решения социальных и национально-культурных задач собственными силами); права и возможности наравне с другими народами страны.

Мы также полагаем, что сегодня вопрос российских немцев является для страны национальным только по форме, по содержанию же он в основном экономический. Отсюда и решить его можно по-новому: как экономический проект. Для этого надо составить пакет экономических задач, актуальных для страны, включая в сельском хозяйстве; провести среди федеральных округов конкурс на оптимальную территориальную привязку проекта; и привлечь для реализации проекта в основном российских немцев. В ходе реализации проекта все нужные условия будут созданы, и останется только придать новому территориально-экономическому образованию должный статус.

Вполне можно считать, что такой проект несомненно заинтересует бизнес, в т.ч. европейский. Проект привлечет и российских немцев из других стран СНГ, а также часть выехавших в Германию. Проект можно серьезно усилить объявлением нового «Екатерининского (Путинского) призыва» европейцев в Россию: ведь только из Германии в год уезжает до 150 тыс. коренных граждан в поисках более эффективной реализации своих знаний и способностей.

Так что сегодня, как и 30 лет назад, вполне можно вновь рассмотреть вопрос о реабилитации российских немцев на государственном уровне и вновь принять нужное решение. Но, в отличие от тех давних времен, это решение еще и выполнить. Ведь сегодня возрождающейся России уже во многом больше по плечу, чем тогда умиравшему СССР.

Автор

5.марта 2018 г.